

В последнее время в разговорах, спорах достаточно бывает нескольких фраз, фамилий, упомянутых с той или иной интонацией, — и все, собеседник ясен, ясна его позиция. То, что прежде требовало подробных разъяснений, внимания, вникания, сегодня угадывается вмиг, вмиг решается. И отнюдь не всегда верно. Но и попытка упрямо не замечать определенных разночтений, разногласий оказывается бессмысленной: возникшая трещинка расплзается все шире. Это надо признать. Образовались крайние полюса в отношении и к будущему страны, и к ее прошлому.

Поэтому, думаю, с особым интересом читается сегодня документальная проза, рассказывающая о вещах, долго умалчивавшихся: мысленно мы, читатели, представляем себя на месте участников давних событий, сами себя проверяя, испытывая себя. Ощущения, что все это уже навсегда кануло в Лету, не возникает. И тревога растет. Не опрокинет ли прошлое в будущее? Не вернутся ли призраки прошлого, «покрупнев», поожесточившись? И даже если нет, необходима готовность. К чему? К сопротивлению, защите. Осознавая с абсолютной ясностью, ЧТО защищаешь и сопротивляешься ЧЕМУ.

С таким чувством я читала документальное повествование Александра Борщаговского «Записки баловня судьбы», главы из которого опубликовал журнал «Театр». И первое, о чем спросила:

— Как вы считаете, Александр Михайлович, могут ли найтись сегодня охотники для борьбы с «безродными космополитами»? Почва для событий, подобных тем, что случились в сорок девятом году, сегодня у нас существует?

— Почва есть, она удобрена трагическими ошибками и виной нашей перед самими собой

му что нынешнее это славянофильство весьма сомнительно. Славянофилы истинные, мыслители и литераторы прошлого века, были просвещенными людьми, хорошо знавшими Европу, понимающими, что там не дикари живут, и разногласия с западниками того времени были совершенно иного уровня. Дальше этого просвещенного круга идеи славянофильства не шли, публики злобствующей, дна общества не достигали, не рассчитаны были на те слои, откуда рекрутировалась черная сотня. Кстати, и черная сотня исторически, в период своего возникновения, имела назначение народного ополчения, никак не связывалась ни с крайней реакцией, ни с еврейскими погромами. Иное дело сейчас. С падением нравственности, с ожесточением людей, с неслыханно разжигаемой завистью, враждой, с небывалой политизацией общества и новыми возможностями информации все — и почвенничество, и антисемитизм — обрело иные акценты, иные масштабы.

— Александр Михайлович, когда вы вспоминаете постыднейший период «борьбы с космополитизмом», вместе с гневом, обидой обнаруживаются и нежность, и чуть ли не благодарность за пережитое тогда. Да, именно благодарность, вы так и пишете, что те тяжкие годы подарили вам счастье любви, новую профессию, друзей: испытания сорок девятого года действительно открыли вам порядочных, благородных людей. Но если взглянуть в целом на общество сегодняшнее и тогдашнее, какая открывается картина? Мы ведь теперь оглядываемся на вчерашний день с таким ужасом, что просто и не понять, как вы в нем существовали, ходили друг к другу в гости, справляли праздники, любили...

— И еще как!.. К тому же надо сказать, что тогда, в сорок девятом году, у нас было еще

Сколько раз поднимался вопрос, чтобы считать этих униженных и бедствующих всю жизнь женщин вдовами погибших на войне, — но нет, против со страниц «Красной звезды» вставали сегодняшние профессионалы-военные. К счастью, мы не маленькая латиноамериканская страна, где майор с батальоном может захватить радиостанцию и начать путч. К счастью, у нас вырос и новый молодой офицерский корпус.

— Ваши, Александр Михайлович, и мои литературные симпатии, определены: кто какой журнал УВАЖАЕТ, ясно тоже, но для многих и многих людей — это все, согласитесь, мелочи, игры. Но ведь игры-то такие уходят в самую сердцевину нашей жизни и касаются в итоге всех. Проблема не в том, скажем, какие козни строит руководство Союза писателей РСФСР против главного редактора «Октября» Ананьева, а в том, что всем, всем нам, может так случиться, нельзя будет выйти на улицу...

— Мне и не надо будет выходить, ко мне придут.

Вы правы, наивно противопоставлять дела литературные — народной жизни вообще: литературные схватки на самом деле обнаруживают то, чем болеет все общество.

— И перестают быть безобидными высказывания, которые прежде можно было считать проявлениями экстравагантности. Некто, например, ругает Запад, говорит, что главная опасность и скверна идут оттуда, но в момент, когда обсуждается переход нашей экономики к рыночным отношениям, это уже не пустяк, это мнение, которое ложится на определенную чашу реальных общежитских весов. И вот в связи с этим, Александр Михайлович, скажите, в чем, на ваш взгляд, пагуба, позор антисемитизма?

— Я не оракул, могу говорить только так, как я это понимаю. Антисемитизм, пока не проли-

ТЕЛЕФОНОВ МОИХ НОМЕРА

Надежда Кожевникова
беседует

с Александром Борщаговским

и человечеством, пролитой страшной кровью, обесцениванием человеческой жизни и чести, самообманами семи десятилетий. Сейчас все может оказаться и пострашнее. В сорок девятом году участников трагического спектакля было куда меньше, меньше были и подмости, на которых он разыгрывался. В зачинщиках той кампании оказалась группа догматиков-функционаров, кучка бездарностей, завистников — как в литературе, так и в музыке, изобразительном искусстве, науке. Страх же перед властью, перед Сталиным, перед репрессивным аппаратом был столь велик, что он определил не столько позицию большинства, сколько форму поведения, проще говоря, покорность.

Кроме того, в сорок девятом году, на дубовой бочке нашей идеологии да и всего общества существовали, снажем, стальные обручи — «братство народов», «пролетарский интернационализм», прокламированные за антисемитизм тяжелые наказания (вплоть до расстрела — на чем иезуитски настаивал Сталин, будучи сам антисемитом)... Словом, соблюдались некие видимость, некий идеологический ритуал, маскировка. Сейчас все это отброшено, все обнажено, откровенно, открыто, причем в страсти любого рода, в том числе и нечестные, втягиваются массы людей из самых различных слоев. Идет беспощадная, неразборчивая атака на самые светлые умы. Тогда как в сорок девятом, повторяю, при всем размахе событий обошлись каким-то «количеством» назначенных жертв, брошенных на растерзание, как рабы в Колизее. А прошли какие-то сроки — спектакль сворачивался...

Сейчас же на глазах идет образование раскола, пропасти, достаточно страшной, чтобы ужаснуться, глядя в ее глубины...

— Если назвать те кодовые понятия, по которым узнаются противники из разных лагерей, то, например, это отношение к Западу и к евреям. Причем антисемитские настроения, по моим наблюдениям, как правило, сочетаются с враждой к западной цивилизации, враждой, в основе которой невежество, зависть, маскируемая осуждением Запада с позиции как бы некой высшей нашей духовности, пренебрегающей грубыми материальными интересами, в которых Запад якобы погряз. А кроме того, как неотвратимый, всепоглощающий довод приводится святая любовь к России, и в ней начисто отказывается и евреям, и западникам.

— Антисемитизм характерно для нынешних, возьмем в кавычки, «славянофилов», пото-

много интеллигенции старого закала, и ее не удалось подтолкнуть к бесчестью, привлечь к духовным репрессиям, не удалось «подключить» не только для выступлений на разгромных собраниях, но даже и для посещения таковых.

— А ТЕПЕРЬ, ГДЕ ОСНОВЫ, НА ЧТО ОПИРАТЬСЯ?

— ОТТЕПЕЛЬ, шестидесятые годы помогли становлению целого поколения, которое играет заметную и всевозрастающую роль. Я давно знаю Егора Яковлева, а последние четыре года, наблюдая его близко, видел его и в кризисные дни, когда его буквально загнали в угол. Но, как видите, он уцелел, обрел как редактор «Московских новостей» достаточную независимость и не убоится того, перед чем другие нередко пасуют. А ведь он не просто ОДИН человек — это коллектив единомышленников, сотрудников, авторов. Это миллионы читателей. А сколько журналистов, к чьему мнению прислушиваются читатели, вышли из «Московского комсомольца», из «Комсомольской правды» и как-то быстро возмужали в сегодняшней общественной борьбе.

— НО ПОДПИСЧИКИ ЕСТЬ И У «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ».

— Да, произошло и происходит размежевание. Есть читательская аудитория и у журнала «Октябрь», у «Знамени», у «Дружбы народов», есть она и у «Нашего современника», хотя эти аудитории несоизмеримы. Я в этом не раз убеждался в Москве, Ленинграде, Рязани и других городах. Но, если говорить об интеллигенции, а точнее о людях читающих, потому что нечитающие на встречи с редакторами журналов не ходят, то все-таки большинство, на мой взгляд, за «Московскими новостями», «Октябрем», за «Огоньком». Да и сами лица, портретная, так сказать, галерея, о многом свидетельствуют.

— То есть вы считаете, интеллигенция сегодняшнего дня...

— ...проснулась, узнала, осознала все. Или почти все. И в масштабе куда более массовом, чем когда бы то ни было.

— Тогда в чем опасность?

— Опасность в том же, в чем она заключалась для вполне цивилизованной Германии, когда силы, над которыми насмехались, которых не принимали всерьез, сомкнулись с другой силой, с той, у которой деньги, а в услужении те, кому нравилось маршировать, стрелять и убивать.

Нам, прошедшим войну, нельзя забывать о МОЛОДЫХ генералах, «молодых», которым за пятьдесят, а то и все шестьдесят, но которые никогда не воевали: именно они возражали против предоставления пенсий женам солдат, пропавших без вести.

лась кровь, страшен прежде всего для народа, который пытаются им заразить, потому что делает его не сильнее, а слабее.

— А для каждого индивидуально это грань, через которую переступив, уже нельзя считаться порядочным человеком.

— Антисемитизм создает ту атмосферу нравственного нездоровья, при которой убыстрятся отток честных людей, в том числе и русских, чья нравственность не позволяет им покорствоваться, жить в нечистоте. И ты вдруг обнаруживаешь, что надо вычеркнуть из телефонной книжки три-четыре номера, и еще, и еще...

— А заменить их нечем. Личные потери... Как сохранить «телефонов моих номера»?

— Пока существует опасность мгновенного (по одному сигналу, одному яростному удару) возмещения к вчерашним порядкам, трудно что-либо прогнозировать. Но когда перестройка жизни на демократический лад, со всеми элементами правового государства, независимого суда, свободного предпринимательства, когда она станет реально воплощаться в жизнь, когда русский человек со своей русской женой и его другом-украинцем и его женой-еврейкой получат землю, начнут вместе дружно фермерствовать, и их с этой земли не согнут, и хорошие работники будут жить хорошо, а завидовать, злобствовать открыто чьей-то хорошей жизни станет неприличным, когда большинство действительно займется делом, тогда начнется оздоровление общества и возникнут гарантии, что к прошлому пути нет. И поворот к этой жизни должен быть осуществлен сейчас, немедленно, больше решений откладывать нельзя.

— Жить обещаниями можно довольно долго, что мы и делали, утешая себя, что, хотя у нас нет и того, и другого, и третьего, зато есть близкие люди, понимающие нас с полуслова, и общение с ними — то богатство, которое не сравнимо ни с чем. Так вот, если действительно в ближайшее время существование всех нас не нормализуется во всех смыслах, и моральном, и материальном, мы лишимся последнего, главного: по обычному городскому телефону уже не сможем позвонить своим друзьям.